

5. Кунин А. В. Английская фразеология / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
6. Lamont G. The Historical Rise of the English Phrasal Verb. Feb. 2005. University of Toronto [Электронный ресурс] / G. Lamont – Режим доступа до ресурсу: <https://ru.scribd.com/document/317494532/The-Historical-Rise-of-the-English-Phrasal-Verb>
7. Поуви Дж. Английские фразовые глаголы и их употребление / Дж. Поуви // Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
8. Ніколенко А. Г. Актуалізація семантичного аспекту фразових дієслів у процесі навчання англійської мови / А. Г. Ніколенко. – Іноземні мови. – 1999. – № 4. – С. 31-33.
9. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Grammar of Spoken and Written English / D. Biber et al. - London: Longman, 1999. – 315 p.
10. Tolkien J. R. R. The Fellowship of the Ring (The Lord of the Rings, part 1) / J. R. R. Tolkien // Media Tie-In Edition, 2003. – 398 с.

УДК 821

Филологические науки

ФУНКЦИИ СМЕХА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. АНДРЕЕВА (ПРОЗА 1899-1904ГГ.)

Гомон А. М.,

*доцент кафедры украинского, русского языков
и прикладной лингвистики*

*Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

г. Харьков, Украина

Творческое наследие Л.Н. Андреева, как и ряда других крупных писателей «Серебряного века», в настоящее время вызывает растущий интерес и начинает существенно переосмысливаться и переоцениваться. Современное прочтение прозы, драматургии и публицистики Андреева должно способствовать уяснению истинного масштаба его художественного дарования и новаторского характера его творческого наследия.

Новейшие публикации художественных произведений, статей, фельетонов, писем, дневников, а также последние исследования «творческой лаборатории» писателя, со всей определенностью показывают несостоятельность и однобокость сложившегося в зарубежном и отечественном андрееведении устойчивого представления об Андрееве как о писателе трагического мироощущения, творчеству которого присуща лишь «поэтика тоски» (С. Ролэ) и безысходности. Между тем, сам Андреев одной из важнейших задач своего творчества считал *смеховое* ниспровержение «вечных» истин: «Мне хочется *потешиться* над человечеством, хочется вволю *посмеяться* над его глупостью, эгоизмом, над его легковерием»[1, с. 62-63].

Современная писателю критика (Ю. Айхенвальд, К. Арабажин, В. Воровский, В. Львов-Рогачевский и др.) отмечала лишь сатирические тенденции в творчестве Андреева и, не видя многообразия составляющих «смеховой палитры» писателя, не пыталась разобраться в его оригинальной смеховой модели мира и человека. В большинстве работ 1960-х – начала 1980-х годов (Ю. Бабичевой, Л. Гальцевой, Л. Иезуитовой, С. Кирсиса, А. Мартини, Э. Полоцкой, Л. Силард и др.) имелся ряд важных суждений о смехе у Андреева. Но эти наблюдения носили фрагментарный характер и не складывались в обобщающую концепцию, определяющую своеобразие и роль смехового начала в художественной системе писателя.

Проблема всестороннего исследования специфики андреевского смеха со всей определенностью была впервые поставлена в 1983 году в статье В. Беззубова «Смех Леонида Андреева». Ученый предположил, что смеховое

начало является «одним из *важнейших* в художественной системе Андреева, многое в ней *проясняющим*»[2, с. 14]. Частным развитием этой, во многом новаторской работы, стали исследования 1990-х – начала 2000-х годов (Б. Бугрова, Е. Михеичевой, И. Московкиной, Е. Соколинского, А. Татарина, С. Ясенского). Ученые акцентировали свое внимание, в основном, на роли и функциях андреевского гротеска, истолкованного как «сверхсистема» (Е. Соколинский), или как важная составляющая различных жанров прозы и драматургии писателя (И. Московкина, Б. Бугров).

Таким образом, накопленные наблюдения, при всей их фрагментарности и некоторой противоречивости, свидетельствуют о гораздо большем значении смехового начала в художественной системе Андреева и о большей степени его новаторства, чем это представлялось до настоящего времени.

По мнению украинско-немецкого литературоведа и поэта О. Бургхардта (Юрій Клен), отношение Андреева к смеху можно выразить словами Ф. Ницше: «*Убивают не гневом, а смехом*»[3, с. 274]. Уже в самой ранней андреевской прозе смех начинает тяготеть к злему и убийственному и выступает как лейтмотив и художественная форма выражения откровенной враждебности внешнего мира страдающему человеку Новейшего времени («Смех» (1901), «Стена» (1901), «Мебель» (1902), «Вор» (1904) и др.). Смеховые реакции продуцируются субъективным сознанием человека в персонифицированном виде и становятся устойчивыми образами-символами и мифологемами. Возникает образ-символ Смеха, как сопутствующий судьбе человека. Одновременно смех выступает и как выражение трагической дисгармонии внутреннего мира самой личности XX века («Большой шлем» (1899), «Ложь» (1901), «В подвале» (1901), «Предстояла кража» (1902) и др.). В обоих случаях постоянно звучащий злобный и кощунственный («сатанинский») смех, тесно взаимодействуя с мотивами маски, игры, ряженья, шутовства, выступает в качестве символа мироустройства и носит разрушительный характер. Подобный смех, выявляя потаенную сущность человека, указывает на

ограниченность его возможностей и претензий, и несет не облегчение и очищение, а сумасшествие и смерть. Такая деструктивная, «демоническая» функция смеха является доминирующей для большинства произведений Андреева конца 1890-х – начала 1900-х годов.

В прозе начала 1900-х годов Андреев начинает развенчивать современных претендентов в «сверхчеловеки». Начатая «Рассказом о Сергее Петровиче» (1900) эта тема станет сквозной на протяжении всего последующего творчества писателя. В этом произведении смех оказывается чрезвычайно значимым и звучит в нем почти непрерывно. Сергей Петрович окружен незримым ореолом смеха, сопровождающим его на всем жизненном пути. Смех становится важным мотивным компонентом мыслей и поступков героя, что сближает его с анекдотическим героем. От смеха окружающих герой находит забвение и иллюзорное спасение в чтении Ницше, под влиянием которого он решается на самоубийство. «Рассказ о Сергее Петровиче» можно интерпретировать как «скверный анекдот» об излишне впечатлительной «жертве Ницше» и его «книги для всех и ни для кого». В то же время, в финале произведения ирония сопровождается трагизмом, а в трагедии проглядывает смеховое начало. Трагедийность повествования сменяется грустным анекдотом о некоммуникабельности, о том, «как скверно действует на молодых людей одиночество»[4, т.1, с.245].

В «Мысли» (1902) именно смех, начало деструктивное и одновременно выполняющее обличительную функцию, является одним из импульсов к преступлению (убийству приятеля) главного героя повести. На предложение доктора Керженцева Татьяна Николаевна отвечает смехом, который смертельно поразил и разоблачил несостоятельность мыслей и существования героя. Смех вызывает в нем чувство неуверенности и страха, что и приводит к мысли о мести и убийстве. Керженцев не может простить женщине и свой собственный смех, которым он ответил на ее отказ, так как он выдает оскорбленное тщеславие «сверхчеловека», «возмечтавшего о браке». Смех героини с новой

силой ввергает Керженцева в мучительное одиночество и окончательно убивает надежду на его преодоление.

В «Жизни Василия Фивейского» (1903) смех также выполняет немаловажную функцию. Нервный смех о. Василия является устойчивым признаком его психической неуравновешенности и указывает на деформацию его сознания под воздействием «сурового и загадочного рока». Идиот как носитель деструктивного смеха, символизирует представление автора о миропорядке. Являясь постоянным спутником развития изменений в психике о. Василия, смех Идиота гротесково корректирует и оттеняет мысли и поступки священника. В финале повести злобещий смех Идиота связывает воскресение с безумием и символизирует окончательную победу иррационального начала над Фивейским. «Хохот кощуна» (В. Беззубов) в восприятии героя разрушает церковь и убивает священника, становясь парадоксальным апофеозом его телесной и душевной смерти.

Подобную природу имеет смех и в повести «Красный смех» (1904). Он является непосредственным выражением взаимообусловленности потрясенного «разорванного» сознания героев и распада, хаоса их социального бытия. Однако, если в «Жизни Василия Фивейского» такое сопряжение концентрируется только в образе о. Василия, то в «Красном смехе» оно присуще большинству персонажей, которые оказываются подверженными сумасшествию. Под воздействием «безумия и ужаса» войны болезненное воображение героев причудливо соотносит и соединяет «смех» и «красное» в единую смысловую пару. Специфическая авторская метафора войны («красный смех») выступает в повести как изначально абсурдистское, гротесковое совмещение цвета и звука, и наполняется определенным логико-образным содержанием. Чем больше братья впадают в помешательство, тем чаще и навязчивее перед их глазами возникает кошмарная картина красного смеха, вырастающего из конкретных впечатлений. Оба брата-рассказчика, по Дж. Вудворду, «испытывают губительное воздействие безумного смеха войны, как и

Василий Фивейский – *безумного смеха Идиота*»[5, с.105]. Постепенно красный смех из абстракции больного сознания героев разрастается до обобщения и становится самостоятельным образом-символом. В финале *Красный Смех* (впервые в тексте повести с большой буквы [6, т.4, с.143-144]) символизирует не только военный психоз, но и сумасшествие всей земли, всего человечества, когда его разум «начинает мутиться».

Таким образом, уже та частота, с которой Андреев использует мотив смеха-убийцы в произведениях обозначенного периода, позволяет сделать вывод о его особой значимости для писателя. Это подтверждает актуальность изучения специфики, места и роли смехового начала в художественном мире писателя, а также его влияния на литературный процесс XX столетия.

Литература:

1. Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919) / Сост., вступ. ст. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хэлмана. – М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. – 428 с.
2. Беззубов В. И. Смех Леонида Андреева // Творчество Леонида Андреева: Исследования и материалы. – Курск, 1983. – С.13-24.
3. Martini A. Erzähltechiken Leonid Nikolaevič Andreevs. – München: Verlag Otto Sagner, 1978. – 322 s.
4. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1990 – 1996. – Т.1-6.
5. Woodward J. B. L. Andrejev: A Study. – Oxford: Clarendon Press, 1969. – 475 p.
6. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений: В 8 т. – СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1913. – Т.1-8.